

"ЛИЦЕНЗИЯ" на ШОЛОХОВА

Михаил Мухомов

25.5.95

В эти дни широко отмечают 90-летие писателя с мировым именем. Сегодня мы публикуем воспоминания чекиста, кавалера ордена Красного Знамени Ивана Семеновича Погорелова. Правда, и записать-то их он решился далеко не сразу после драматических событий 1938 года.

— Отец родился на Дону, в 1904-м, был всего на год старше Шолохова. Восемь лет остался сиротой, в 16 стал разведчиком ЧК, — рассказывала мне дочь Погорелова Алина Ивановна. — Был внедрен в банду, разоблачен и бежал из-под расстрела. Два часа отстреливался от сорока конников другой банды.

Выследил и пленил предводителя объединенных сил на Дону — бывшего полковника царской армии Федорова, за что и был награжден высшим орденом республики. Трижды раненный, хромой, повредивший зрение, военную службу он был вынужден оставить в 1923 году. Поступил в Новочеркасский индустриальный институт, был избран секретарем парткома. (Именно этот институт в 1937 году выдвинул Шолохова кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Тогда и состоялась их первая встреча). А вскоре отец отказался исполнять из партии и «шить дело» тем, в чьей большевистской честности был убежден, как в самом себе.

Думаю, от неприятностей его спасала боевая слава и высокая, редкая тогда в Новочеркасске награда. Тем неожиданной было для него в сентябре 1938 года предложение начальника Ростовского областного управления НКВД Гречухина...

«...Вы, конечно, знаете писателя Шолохова, — сказал Гречухин. — И не удивляйтесь, что я вам скажу. Мы знаем, что вы к нему относитесь очень хорошо. Но должен вам сказать, что наша агентурная разведка окончательно установила, что Шолохов готовит против Советской власти восстание донских, терских и кубанских казаков. Мы теперь поручаем вам раскрыть до конца его связи с закордонной и внутри Советского Союза.

Пока установлено, что с ним вместе готовит это восстание его тесть, секретарь райкома Луговой, Логачев, Красюков. Все эти люди вам знакомы, и вы их лично знаете. Имеются их люди, с которыми они имеют связь, на Кубани и Тереке, но организация так конспирирована и работает так умно, что трудно их выявить. Видимому, тут руководит умелая рука из-за границы и работают опытные разведчики».

...Погорелов долго и довольно изобретательно искал повод, чтобы отказаться, пока Гречухин жестко его не предупредил, что в противном случае, ради сохранения доверенной тайны, его придется «изолировать». Выход был один: соглашаться, искать более хитрый вариант нейтрализации опасного замысла. Поскольку и «подписка», оставшаяся в сейфе начальника управления, в случае неудачи предусматривала единственный исход: «За разглашение данного мне задания я подлежу расстрелу без суда и следствия». Потом Гречухин перепоручил Погорелова своему заместителю Когану.

...И тут Погорелову на редкость повезло. Случайно встретившийся на улице Петр Луговой сказал, что в

Ростов они с Шолоховым приехали вместе и остановились в гостинице.

«...Я незамедлительно добился срочного свидания с Гречухиным, рассказал о встрече с Луговым и сказал, что приглашен в гостиницу, убеждал, что для начала лучшего случая и не придумаешь. Когда пришел в гостиницу, там был один Луговой, разговаривали в... уборной, чтоб не подслушали. Шолохову обо всем решили рассказать уже на окраине города, когда они выедут на машине в Вешенскую».

Я знал, что он все это воспримет с недоверием. Действительно, когда сообщил, что его хотят убить, Шолохов посмотрел на меня подозрительно, и на лице было выражение недоверия. Помню, что я очень горячо доказывал ему, что нужно немедленно ему уехать из Вешенской и спасти свою жизнь. Луговой меня поддерживал. Я же сказал, что сделаю все, чтобы сообщить об этом в ЦК.

Оставалось попросить Шолохова, чтобы он вел себя осторожно, а лучше будет, если вообще выедет из Вешенской, о чем не следует говорить никому дней 7—10, так как это время нужно будет мне для побега из Ростова. А сам я стал тайно пробираться в Москву.

Чем же Шолохов мог вызвать столь очевидное сомнение в своей лояльности к властям?

Безусловно, первым звонком вполне могла стать публикация в 1928—1929 гг. первых двух книг и нескольких глав третьей книги «Тихий Дон», обескуражившей государственных деятелей Советской России беспощадной, откровенной правдой о гражданской войне и безупречной их «революционной молодости».

Какой-то Шолохов в своем романе одних так и вывел под собственными именами, других — под вымышленными, но тоже весьма узнаваемыми.

Публикация третьей книги «Тихого Дона» в журнале «Октябрь» была на полдороге приостановлена. С января 1929-го по январь 1932-го. От автора стали требовать коренной переработки более... 40 (!) глав.

Пришлось писателю обратиться за поддержкой... к самому основоположнику социализма Максиму Горькому, который в письме новому главному редактору «Октября» А. Фадееву только несколькими строками лаконично аттестовал провинциала, множеством других явно благословляя его на административный и политический пражек: «Третья книга «Тихого Дона» — произведение высокого достоинства, на мой взгляд, она значительно лучше второй, лучше сделана. Но автор, как и его герой Григорий Мелехов, стал на грани между двух начал, не соглашаясь с тем, что одно из этих начал в сущности — конец, неизбежный конец старого казачьего мира и сомнительной «поззии» этого мира. Не соглашается он с этим потому, что сам все еще — казак, существо, биологически связанное с определенной географической общностью, определенным социальным укладом. Значит, дело сводится к перевоспитанию автора-литератора, а оно прежде всего требует очень тактического и бережного отношения к воспитуемому».

Правда, даже явно униженный тон письма не помешал Горькому в июне 1931 года организовать на

своей даче встречу Шолохова со Сталиным, который явно прочитал неопубликованную еще рукопись полностью, задавал много наводящих вопросов, спорил, соглашался и после всего этого твердо сказал: «Третью книгу «Тихого Дона» печатать будем!»

...Или теперь, в 38-м, таким образом аукнулось Шолохову письмо, отправленное Сталину 4 апреля 1933 года. Огромным по объему, страшным своей документальностью было это послание из российской глубинки:

«...Если все описанное мною заслуживает внимания ЦК — пошлите в Вешенский район доподлинных коммунистов, у которых хватило бы смелости, невзирая на лица, разоблачить всех, по чьей вине смертельно подорвано колхозное хозяйство района. Обойти молчанием то, что в течение трех месяцев творилось в Вешенском и Верхне-Донском районах, нельзя. Только на Вас надежда. Простите за многословность письма. Решили, что лучше написать Вам, нежели на таком материале создавать последнюю книгу «Поднятой целины»».

Строгое разбирательство возглавили секретарь Коллегии ЦКК партии М. Шкирятов и нарком юстиции Н. Крыленко. Незаконно арестованные были немедленно освобождены, изъятое имущество возвращено. Район получил продовольствие и семена. Иначе говоря, Северо-Кавказский крайком партии «с подачи» Шолохова попал в персональное постановление Политбюро ЦК, на глазах у всех формально понес серьезный политический ущерб и тоже имел все основания с этой поры держать для писателя «камень за пазухой».

Вернемся к Погорелову, который пока тайно пробирается в столицу. Единственное, что ему удалось в этот приезд, — через приемную ЦК передать заявление на имя Сталина.

Заявление, видимо, достигло адресата, поскольку в один из тайных визитов домой Погорелов узнал, что с помощью горкома партии его давно разыскивает заведующий секретариатом Сталина. Поскребышев предложил немедленно приехать в Москву и позвонить. Оказалось, Шолохов был уже в Москве.

Мы ждали разбора нашего дела почти три недели. Наконец 4 ноября 1938 года нас к 4 часам дня вызвали в Кремль. В приемную зашли Гречухин, Коган и еще кто-то, не помню.

Когда мы зашли в кабинет. Сталин был один. Я заметил, что Сталин с Гречухиным и его людьми даже не поздоровался. Через другую дверь зашли члены Политбюро. Сталин почти все время стоял или ходил. Обращаясь к Шолохову, он сказал:

— Доложите, Михаил Александрович. Послушаем вас...

Шолохов поднялся: — К тому, что я вам рассказывал раньше, я больше ничего не могу добавить. Пусть товарищ Погорелов доложит...

Поднялся я и стал рассказывать подробно, как было дело. Говорил я первый раз минут сорок. Ко мне вплотную подходил Сталин, внимательно слушал и смотрел прямо в глаза. После отдельных моих фраз он подходил к столу, записывал что-то толстым

Как НКВД собирал компромат на автора «Тихого Дона»

Рос. 123 - 1995 - 25 мая 95

карандашом. Потом повернулся к Гречухину, тот поднялся и стал говорить, что никакого задания мне не давал, что это провокация. Привел цифры по Вешенскому району, что там плохо, что Шолохов — член райкома и должен отвечать.

Сталин ему на это сказал: — Это к делу не относится. При чем тут Шолохов? Евдокимов (секретарь Ростовского обкома партии. — Авт.) ко мне два раза приходил и требовал санкции на арест Шолохова за то, что он разговаривает с бывшими белогвардейцами. Я сказал Евдокимову, что он ничего не понимает ни в политике, ни в жизни. Как же писатель должен писать о белогвардейцах и не знать, чем они дышат?!

Больше Гречухину Сталин говорить не позволил. Потом и Коган стал говорить, что со мной ни о чем не говорили и что все — провокация. Тут я и сказал:

— Товарищ Сталин... у меня вот книжечка, в которой рукой Когана написан адрес конспиративной квартиры, где я с ним встречался...

Сталин взял ее, посмотрел, что написано, и сказал: — Нам давно известно, что они говорят неправду. Вы не фантите, — сказал он уже Когану. — Правду говорите. Правильно говорил товарищ Погорелов или нет? Отвечайте!

И они с Гречухиным подтвердили, что я не солгал. Вмешался Молотов:

— Мне непонятно, почему вы, товарищ Погорелов, как чекист запаса не сообщили об этой истории товарищу Ежову.

Сталин, не дожидаясь моего ответа, сказал:

— Что тут, Молотов, непонятно? Погорелов правильно делал, что никому не доверял. Человека запугали, взяли какую-то дику подписку. Встань ты на его место. Ты тоже никому бы не доверял. По глазам видно: товарищ Погорелов — честный человек. Он показал себя и в гражданскую войну. На груди у него сияет орден Красного Знамени. Он показал себя и в мирных условиях. Все, можете быть свободным.

Нам же с Шолоховым предложил остаться:

— Что еще можете добавить?

Я осмелел и сказал: — В Новочеркасске исклчили и посадили до 100 коммунистов. Я знаю многих из них как честных людей, поэтому прошу дать указание разобраться.

Сталин поглядел на нас

— Указание такое будет дано.

...Пятного ноября мы отправились домой. До Миллерова ехали вместе с Шолоховым и Луговым. Когда я прибыл в Новочеркасс, мне уже была предоставлена новая квартира. Жену восстановили на работе. Через пять дней в газете объявлено было, что сообщение Дербенева, секретаря горкома партии, и Таласова, начальника горотдела НКВД, является клеветой. (Раньше они утверждали, что Погорелов присвоил чье-то имя и орден. — Авт.) Так я стал полноправным членом партии и был реабилитирован в глазах Новочеркасска.

Публикацию подготовил Вадим ОГУРЦОВ, соб. корр.

Ростов-на-Дону. На снимках: Шолохов за работой в 30-е годы; портрет 1964 года. Краснознаменец Иван Погорелов.